

Понятно, что диссертация важнее. Даже смешно ставить вопрос о какой-то альтернативе. Столько идти к защите и поставить её под вопрос только потому, что хотелось не пропустить мамин день рождения?! И всё же...

Я изо всех сил пытался ускорить процесс рассмотрения моей работы рецензентами, чтобы успеть поздравить маму. Тем более что она находится в том возрасте, когда каждый день может стать... Об этом думать не хотелось; даже приближаться к этой мысли было запрещено. Кем? Каким-то внутренним цензором. Но всё же сквозь повседневную суету всё чаще приходило осознание того факта, что дорожная лента, по которой призваны были идти мы с мамой вдвоём, заканчивалась. Нет, предел взаимосуществования пока не был виден, потому что мама, вопреки своему возрасту, сохранила интерес к жизни во всех её проявлениях. Например, такого фаната игр «Что? Где? Когда?» вряд ли можно было отыскать и в молодёжной среде, причём моя мама не была пассивным зрителем, заикленным на видеокартинке. Она активно вникала во все интеллектуальные дебри, через которые стремились пробиться «знатоки». Тем не менее я от встречи к встрече отмечал не только новые морщинки, но и новые тенденции, свидетельствующие о том, что ей всё тяжелее нести не своё одиночество, а моё отсутствие. Мы оба понимали, вернее, чувствовали, как много ещё оставалось невысказанного.

Мама всегда оставалась учительницей, и даже на пенсии ей нужен был не просто сын — я был также востребован в

качестве ученика. Тот факт, что сын стал преподавателем, значительно усилил потребность в общении с ним, и моя мама поневоле воспринимала меня уже как коллегу. Мама рассматривала меня также в качестве транслятора многих неоформленных мыслей, которые посещали её голову...

Несмотря на все мои старания и уловки успеть к маминому празднику, я успевал только на кишинёвский поезд, приход которого не оставлял шансов на стыковку его с нужным мне автобусом. Призрачная надежда на то, что я успею на празднование маминого дня рождения, начала улетучиваться, и тогда я вспомнил о самолёте. Тут мне повезло — предложили билет на рейс через пару часов. Я радостно потирал руки и на оставшиеся деньги решил добавить к имеющимся подаркам ещё и питерский сувенир. С каким-то особым, почти благоговейным настроением решил подкрепиться в кафе. Когда уже приступил к кофе, заметил, что широченное окно потемнело, потому что зачастил мелкий густой дождь. Он был уже не летним. Пока я бежал в зал отлёта, то стал мокрым до нитки. Однако спешил я напрасно: табло насмешливо взирало на меня задержкой рейса на три часа. Я расстроился, однако, пораскинув мозгами, понял, что даже в этом случае я успеваю на мамин день рождения, хотя совсем вплотную...

Не хотелось всё сваливать на небесные силы, однако три часа задержки превратились в полсутки, потому что дождь заволок уже весь горизонт.

Я стремился попасть на мамин день рождения, поэтому, приземлившись в Минске, сразу же помчался на вокзал, где мне всё-таки повезло с поездом. Однако надежда успеть становилась всё более призрачной, потому что поезд задержали на таможне. Всё дело в человеке, что ехал в соседнем купе. Он так часто и громко заявлял о своём желании купить дом на Украине, что привлёк внимание пассажиров не только нашего, но и соседних вагонов. Он пытался втянуть в разговор и меня, постоянно требуя подтверждения, что он заслужил большой дом, почти двадцать лет тяжело «вкалывая» на нефтепромыслах по пояс в снегу. Я сначала поддерживал его, но потом намекнул, что не обязательно объявлять всем о наличии большой суммы денег. Однако земляк, основательно нагруженный спиртным, орал всё громче:

— А что? Имею право! Моим потом и даже иногда кровью заработанные...

После долгих споров и препирательств его всё-таки сняли с поезда, однако ушли те драгоценные десятки минут, которые оставляли мне шанс успеть на автобус, который, я надеялся, опоздает, как бывало раньше, в моём детстве. Этого не произошло, и мне ничего не оставалось, как воспользоваться электричкой, хотя она проходила в семи километрах от родительского дома и по этой причине я ею редко пользовался.

Я опаздывал к маме на день рождения, поэтому ночная электричка всё больше напоминала мне фантастическое чудовище. Эти спящие на деревянных скамейках странные личности неопределённого возраста самим своим видом отрицали не только время, но и пространство. А несущийся в темноту железный змей всасывал в себя отдельные огоньки, порождая всё более сырой и глубокий морок. Казалось, что он уже летит, не касаясь земли, а зловещий грохот порождают чешуйки, воинственно выпрямляясь перед решающим сражением.

Я так спешил к маме на день рождения, но в конце концов оказался на полупустой привокзальной площади среди подслеповатых фонарей, которые были не в силах победить осеннюю сопливую сырость. Наконец один таксист, говоривший с заметным акцентом, согласился довезти меня за двойную плату, ссылаясь на ненадёжную просёлочную дорогу и вечный ремонт, который, казалось, продолжался с моего детства и давно уже превратился в местный грустный анекдот.

Когда проехали треть пути, я вдруг проговорился, что смогу расплатиться только русскими деньгами. Таксист яростно выругался, причём попало всему распавшемуся большому Союзу, а не только мне, и начал поворачивать назад. Мне ничего не оставалось, как выскочить, бросив на сиденье несколько купюр...

Я спешил к маме на день рождения, но пока оказался на просёлочной дороге. Хорошо, что хоть дождь смилоствился надо мной, прекратив свои нападки. Неожиданно ярко напомнила о себе луна, окатив предзимним взглядом меня и почти голые деревья. Я решил скоротать дорогу, ориентируясь на дальние огоньки, которые светлячками периодически выныривали впереди. Не опасался заблудиться, ведь

начиналась грибная территория, хорошо знакомая с детства, несмотря на хаотичное переплетение новых тропинок.

Добравшись под утро до родного дома, я долго извинялся, что опоздал. Однако мама, обняв меня, никаким образом не высказала своего недовольствия.

— На мой день рождения невозможно опоздать, — улыбаясь, сказала она.

Отвечая на мои недоуменные взгляды, ведь сил на расспросы уже не было, рассказала, что в 1943 году их деревня несколько раз переходила из рук в руки. Мама со вздохом поведала, как с утра её отправляли с котелком за едой для младших сестёр и братьев. Как её, худенького голубоглазого подростка, жалели наши солдаты, поэтому она всегда возвращалась с полным котелком каши и несколькими кусочками хлеба.

Та жуткая ночь запомнилась навсегда. Всю ночь шёл жуткий обстрел, а их деревня оказывалась в самом аду сражений за стратегически важный перекрёсток дорог. Даже сейчас мама вздрагивала от любого ночного грохота... Утром немного затихло, и она, взяв котелок, пошла, как обычно, по направлению к полевой кухне. И не сразу обратила внимание на то, что одежда у военных за ночь позеленела, и каски перестали быть круглыми. Почуввав чужую речь, она попыталась убежать, но какой-то молоденький немец остановил её, а потом долго рассматривал до странной влаги в глазах. Потом, оглянувшись на своих, тихонько протянул ей огрызок шоколадки. Отбежав на значительное расстояние, девочка оглянулась. Только теперь она сумела несколько унять дрожь, причиной которой являлась не сырая погода и порванные ботинки. Долговязый белобрысый юноша в так не идущей ему лягушечьей одежде смотрел ей вслед, а страшная железка так и осталась висеть у него на боку. С опаской лизнула коричневую ладошку, где таял сладкий комочек, и зажмурилась от удовольствия: ещё останется чем порадовать маленького братика. Однако тут же насупилась, потому что обратно надо было идти через небольшой мост, а там она видела два трупа. Это были совсем молодые парень и девушка, которые пытались убежать в лес, однако их настигли немецкие автоматные очереди. Так и лежали, полуобнявшись. Плавать моя мама никогда не умела и

начала искать брод, потому что боялась не столько немецких выстрелов, сколько того, что убитые вдруг оживут.

Во время жутких обстрелов загорелся сарай, а потом и сама изба. Мама рассказывала про ужас, который испытала она, двенадцатилетняя, когда увидела, как их любимая корова Красавка загорелась и какое-то время бегала, редела, поневоле поджигая соседние сараи...

...Шампанское с утра — выглядело странно. Однако ещё более странным оказался рассказ матери о том, как восстанавливали сгоревшие документы.

— Для этого дела привлекли моего отца, твоего деда, который поправлялся после серьёзного ранения и ещё не знал, что награждён орденом Славы. Он на тот момент являлся единственным мужчиной, у которого за спиной было бухгалтерское училище. Стараясь максимально точно восстановить чужие документы, к свидетельствам о рождении своих детей он отнёсся довольно халатно. А меня, любимую дочь, он вообще спросил, когда я хочу праздновать свой день рождения. Я ответила, что самая красивая пора — золотая осень. А число выбирали вместе. Я остановилась на восемнадцатом, потому что всегда хотела быть первой, а восьмёрку я полюбила из-за женского праздника, ведь именно в этот день мне дарили сладкие подарки...

Мне, историку с многолетним стажем, с трудом удавалось совместить былое с современностью — слишком много узнал и осознал я в эту октябрьскую ночь.

— Так, что, сын, ты не опоздал на мой день рождения. Да и не мог опоздать, потому что на самом деле я не помню реальный мой день рождения, да и не очень старалась вспоминать его, потому что вслед за приятными воспоминаниями всегда тянулась длинная повозка горечи и ужаса. Потом, когда я повзрослела, мне нравилось дурачить гадалок, которые не могли объяснить несоответствие моего характера гороскопу. Эта неопределённость вполне меня устраивала, потому что это как бы давало иллюзию шанса на другую жизнь, которую я якобы смогу ещё прожить...

Это был последний день рождения моей мамы.

Я же его праздную всегда.